

image not found or type unknown

В своей работе я бы хотела остановиться на раскрытии смысла – образа Черного монаха. Что же символизирует этот образ?

«Черный монах» - повесть о мироощущении во всех смыслах ненормального человека. А кто из нас нормальный? Уже какое поколение «ненормальный» встречает такого же, рожают детей. Сейчас это уже норма. И все же, Коврин реально начинает ощущать «необыкновенное». У него неутоленная жажда познания чего-то необыкновенного в жизни. Эта неутоленная жажда и вызывает душевную болезнь. Призрак монаха ласково и лукаво выполняет то, чего Коврин не нашел в реальной жизни, среди людей. Наш герой с готовностью поддается искушению, так как теперь не надо ничего искать, мучиться, страдать в поисках истины – все это восполняют беседы с Черным монахом. Конечно, с точки зрения медицины, это не более чем галлюцинации, порожденные воспаленным мозгом переутомившегося ученого. Творческая одержимость героя, одержимость в его исключительности оборачивается безумием – раздвоением личности, и образ Черного монаха есть не что иное, как «второе Я Коврина». Я думаю, он столкнулся с самим собой наедине и растерялся, он не знал что делать. А главное зачем? Коврин не избрал путь трудный, но единственно истинный - утверждение себя через труд для людей, утверждение себя в реальном мире, а «ушел» в себя, убеждая в часы одиночества, что он непонятный гений. Все оберегают Коврина, не давая магистру ни на минуту выбиться из той жизненной колеи, которую они заботливо для него прокладывают. Так, Варвара Николаевна «ухаживала за ним, как за ребёнком. Настроение у него было мирное, покорное: он охотно подчинялся».

Старый садовод и его дочь создают не болезнь Коврина, они создают саму его болезненную, нервическую личность.

«Легенда, мираж и я – всё это продукт твоего возбуждённого воображения. Я – призрак», – разъясняет чёрный монах Коврину. Но и «великий человек», «исключительный» Коврин – это ведь тоже «продукт возбуждённого воображения» Тани и Егора Семёныча.

Недаром в «бледном, страшно бледном худом лице» чёрного монаха с «резко выделяющимися чёрными бровями» и в лице «бледной, тощей», «с тонкими

чёрными бровями» Тани оказывается так много схожих черт. Недаром слова Тани из её письма к Коврину («...желаю, чтобы ты скорее погиб») сбываются почти мгновенно, как по волшебству.

«От миража получился другой мираж, потом от другого третий, так что образ чёрного монаха стал без конца передаваться из одного слоя атмосферы в другой» – так описывается «механизм» создания Коврина в повести Чехова. И весь этот механизм нравился герою. Он понимает, что имеет дело с галлюцинацией в образе Черного монаха, но герой необыкновенно дорожит этими «контактами», ибо они дарят ему чувство уверенности в себе, ощущение гармоничности бытия, поднимают его в своих глазах, усиливают значимость научных трудов. «То, что говорил Черный монах, придавало его работе особенное необыкновенное значение и наполняло его душу гордостью, сознанием собственной высоты». Коврин сам признается, что после посещения монаха несказанная радость переполняет его: «Я только что пережил светлые, чудные, неземные минуты» - с восторгом признается Коврин Тане. «Я хочу любви, которая захватила бы меня всего» - кричит Коврин, находясь в состоянии абсолютного счастья после встречи с монахом.

«Сумасшедший», больной Коврин был близок к выполнению библейских заповедей: всех любил, не впадал в уныние...Когда же его вылечили, и он перестал видеть Черного монаха – изменилось умонастроение героя. Излечившись, от нервного расстройства, он вместе с тем, утратил способность воспринимать красоту окружающего мира. Коврин теряет вкус к жизни. Вся эта реальность, как бы наказывает его за мистические иллюзорные мечты. Почему вообще стало возможным появление в жизни молодого ученого черного монаха? Думаю, что причина в том, что у него были глубокие сомнения в отношении своей незаурядности, научной и собственной значимости. В сложном процессе построения себя как личности Коврину недоставало главного - веры в себя.

Ослепленный манией величия человек не может считаться нормальным, но лишь в таком состоянии он счастлив, хочет нести пользу, не знает усталости и способен свернуть горы. Его состояние сродни глубокому сну, вызванному пьяным забытием, и конечно такое решение может принять только он сам. Боль и разочарование неизбежно селятся в душе, не покидая ее до любого из возможных итогов. Вечная правда в интерпретации черного монаха, как образа всего сконцентрированного, неосуществимого, и такого болезненного, такова, что она – всего лишь очередной миф, вера в который обеспечивает ложное счастье. А реальное ведь вот оно – с огромными карими глазами.